

А. Г. Брикнер

Осада Очакова в 1788 году

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Г. Брикнер**
Осада Очакова в 1788 году / А. Г. Брикнер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 59 с.

ISBN 978-5-4241-4576-6

ISBN 978-5-4241-4576-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

явленія войны Турціей Текеллій сжегъ множество деревень на Кавказѣ ¹⁾. Во всемъ этомъ не было ничего важнаго.

За то на морѣ тотчасъ же послѣ объявленія войны произошла встрѣча русскихъ и турецкихъ кораблей ²⁾, а именно по слѣдующему случаю.

19-го августа Суворовъ еще не зналъ объ объявленіи войны, но пріѣхавъ въ Кинбурнъ, тотчасъ приступилъ къ фортификаціоннымъ работамъ. Въ это время одному изъ русскихъ офицеровъ, находившемуся въ Очаковѣ, тамошній паша объявилъ, что русскіе корабли будутъ въ тотъ же день атакованы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣлъ выводить этого офицера изъ крѣпости и далъ ему проводниковъ, чтобы защитить его отъ ярости Турокъ. Офицеръ пріѣхалъ въ русскій лагерь и сообщилъ Суворову о случившемся; но было уже поздно принимать мѣры для спасенія кораблей ³⁾.

Русскій брандвахтнй корабль *Скорый* и ботъ *Битогъ*, находившіеся 10-го августа въ Кинбурнскомъ заливѣ для препровожденія въ Севастополь двухъ вновь построенныхъ судовъ; были атакованы нѣсколькими турецкими судами. Успѣшно обороняясь въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, они отступили, потерявъ нѣсколько человекъ и потерпѣвъ нѣкоторыя поврежденія. Хотя это дѣло и кончилось отступленіемъ русскихъ судовъ къ Глубовой Пристани, тѣмъ не менѣе Потемкинъ въ довольно хвалебномъ тонѣ извѣщалъ о немъ императрицу ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, ст. 1243.

²⁾ Въ матеріалахъ, которыми мы располагали, мы два раза встрѣтили помянутіи о военныхъ демонстраціяхъ, происходившихъ будто еще во время пребыванія императрицы въ Крыму. Авторъ сочиненія «Geschichte des oesterreichisch-türkischen und russischen Krieges 1787—1792. Leipzig. 1792», стр. 3, разказываетъ, что именно тогда вспыхнула ссора между русскою и турецкою observationalными эскадрами, встрѣтившимися недалеко отъ устья Дуная. Русскій командиръ, графъ Войновичъ, располагавшій болѣе сильными силами, далъ будто бы знать начальнику турецкой эскадры, что Турки не имѣютъ права въ мирное время плавать по Черному морю, находящемуся будто подъ владычествомъ Россіи, и совѣтовалъ имъ немедленно удалиться; но разказъ этотъ сомнителенъ. Едва ли русскіе начальники могли утверждать, что Черное море находилось подъ владычествомъ Россіи въ то время, когда Очаковъ еще не былъ въ рукахъ Турокъ, и сообщеніе Турокъ съ этою крѣпостью происходило преимущественно моремъ. Другимъ замѣтка о столкновеніи турецкихъ кораблей съ русскими еще до войны встрѣчается въ біографіи Потемкина, соч. *Самойлова*, въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года, ст. 1237.

³⁾ *Smitt, Suwogow*, I, 283.

⁴⁾ «Сіи два малыя суда были атакованы турецкими флотомъ, состоявшимъ изъ 12 фрегатовъ... По сильномъ съ обѣихъ сторонъ произведеніи безпрерыв-

Потемкинъ желалъ болѣе серьезной встрѣчи съ Турками на морѣ. Онъ писалъ контръ-адмиралу графу Войновичу: „Подтверждаю вамъ собрать всѣ корабли и фрегаты и стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и мужества вашего и подчиненныхъ вашихъ. Хотя бѣ всѣмъ погибнуть, но должно показать свою неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля. Сіе объявите всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ увидите флотъ турецкій, атакуйте его во что бы ни стало, хотя бѣ всѣмъ пропасть“¹⁾. Однако, на морѣ, въ 1787 году никакой встрѣчи съ непріателемъ не послѣдовало. Турецкій флотъ, явившійся у Очакова, заградилъ выходъ въ Черное море изъ лимана; флотъ же Севастопольскій, какъ увидимъ ниже, сильно пострадалъ отъ бури и не могъ думать о наступленіи²⁾. За то берега Очаковского лимана должны были сдѣлаться театромъ довольно важныхъ военныхъ дѣйствій. Прежде всего нужно упомянуть о нападеніи Турокъ на Кинбурнскую крѣпость.

Въ началѣ войны русскія войска были расположены такимъ образомъ, что графъ Румянцевъ, командовавшій Украинскою арміею, имѣлъ всего не болѣе 32.000 человекъ. Подъ начальствомъ же Потемкина, принявшаго на себя оборону русскихъ границъ и командовавшаго такъ-называемою Екатеринославскою арміею, было всего 78.000 человекъ, но и эта армія, въ началѣ похода, еще была довольно далеко отъ береговъ Чернаго моря. Сначала только Суворовъ съ четырьмя полками пѣхоты, пятью эскадронами конницы и тремя казачьими полками стоялъ у Очаковского лимана. Ему было суждено

наго огня, чрезъ цѣлые шесть часовъ, наши храбрыя души взяли верхъ, очистив сперва дорогу къ свободному шествію и обративъ потомъ непріятеля въ бѣгство. См. соч. Колотова о Царствованіи Екатерины II, III, 236—237. Трудно вѣрить, чтобъ одинъ фрегатъ и одинъ ботъ были въ состояніи обратить въ бѣгство 12 фрегатовъ. Замѣтка Сегюра, *Mémoires et souvenirs*, III, 373, объ этомъ событіи написана, очевидно, подъ влияніемъ оптимизма официальныхъ донесеній. Екатерина въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ замѣтила только, что фрегатъ отстрадивался отъ турецкаго флота и пришелъ на свое мѣсто, три часа храбро обороняясь. См. Записки Храповицкаго, 6-го сентября 1787 г. Разказъ Скаловскаго въ біографіи Ушакова, I, 51, составленъ по официальнымъ донесеніямъ.

¹⁾ См. Жизнь Ушакова, соч. Скаловскаго, I, 53. Письмо Потемкина относится вѣроятно, къ послѣднимъ числамъ августа.

²⁾ Самойловъ говоритъ, что турецкій флотъ пришелъ на Очаковскій рейдъ въ сентябрѣ. Это несправедливо, такъ какъ уже 20-го августа происходило дѣло съ русскимъ фрегатомъ. Скаловскій говоритъ, стр. 51, что турецкая эскадра оставилась предъ Очаковымъ 16-го августа.

храброю обороною спасти Кинбурнскую крѣпость, на которую Турки два раза сдѣлали нападенье.

Кинбурнъ былъ не достаточно укрѣпленъ ¹⁾, и самъ Потемкинъ, какъ видно изъ писемъ его къ Екатеринѣ, считалъ положеніе его весьма опаснымъ. Въ половинѣ сентября Турки выслали до 100 своихъ фелукъ изъ Очакова, и расположивъ ихъ между островомъ Гендрой и Кинбурнской косою въ узкомъ и мелководномъ мѣстѣ, безпоясали Кинбурнъ бомбардировкой ²⁾. Екатерина, узнавъ объ этомъ, писала Потемкину 24-го сентября: „Что Кинбурнъ осажденъ непріятелемъ и уже тогда четыре сутки выдержалъ канонаду и бомбардировку, я усмотрѣла изъ твоего собственноручнаго письма; дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря непріятна; но положимъ такъ, то для того не унывать, а стараться отмстить и брать реванжъ; имперія останется имперія и безъ Кинбурна, того ли мы брали и потеряли? Всего лучше, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамъ, да и здѣсь не уныли и публика жжетъ въ свою пользу, и города беретъ и морскіе бои и баталіи складываетъ и Царьградъ бомбардируетъ. Я слышу все сіе съ молчаніемъ и у себѣ на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно и поправлено, если бы гдѣ и вырвалось чего непріятное. Усердіе Александра Васильевича Суворова, которое ты такъ живо описываешь, меня весьма обрадовало; ты знаешь, что ничѣмъ такъ на меня не можно угодить, какъ отдавая справедливость трудамъ, рвенію и способности“ ³⁾.

Изъ этого письма видно, что въ то время, какъ въ Петербургѣ распространены были слухи о необыкновенно успѣшномъ ходѣ военныхъ дѣйствій, о рѣшительномъ наступленіи русскихъ войскъ, князь Потемкинъ совсѣмъ падалъ духомъ и не вѣрилъ даже въ возможность отстоять Кинбурнскую крѣпость.

Кромѣ четырехъ-дневнаго, вѣроятно, не очень серьезнаго, бомбардированія, Кинбурнъ два раза, а именно: 14-го сентября и 1-го октября, подвергался серьезной опасности.

14-го сентября Турки, пріѣхавшіе изъ Очакова къ Кинбурнской косѣ, старались отвлечь вниманіе Суворова, показывая видъ, что одновременно въ трехъ мѣстахъ намѣреваются высадиться на берегъ.

¹⁾ Smitt, Suworow, I, 285.

²⁾ Самойловъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1867, ст. 1240. Осада и бомбардированіе должны были происходить между 8 и 15 сентября.

³⁾ *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 173 и 174.

Русскія войска, какъ должно заключить изъ официального донесенія объ этомъ дѣлѣ, не считали сначала возможнымъ встрѣтить непріятеля на берегу моря и заперлись въ крѣпости. Но вскорѣ затѣмъ они ободрились и принудили Турокъ отступить. При этомъ случаѣ, какъ сказано въ официальномъ донесеніи, многіе Турки утонули, а другіе были изрублены казаками, дѣйствовавшими особенно храбро и усгѣбно. По разказу Самойлова, и русская флотилія оказала важныя услуги. Мичманъ Ломбардъ съ необыкновенною смѣлостью началъ на Турокъ со стороны моря, и дѣйствуя за одно съ сухопутными войсками, принудилъ Турокъ къ отступленію ¹⁾.

Въ С.-Петербургѣ извѣстіе объ этомъ событіи произвело благоприятное впечатлѣніе и дѣйствительно, большая выгода такого счастливаго исхода дѣла заключалась въ томъ, что Суворовъ выигралъ время укрѣпить Кинбурнъ съ косы землянымъ валомъ и палисадомъ ²⁾.

Гораздо болѣе серьезный характеръ имѣла стычка 1-го октября. Изъ Очакова прибылъ сильный отрядъ отличной турецкой пѣхоты, въ нѣсколько тысячъ человекъ, и въ томъ числѣ янычары. Между турецкими офицерами находился и французскій инженеръ Лафитъ, столь ревностно содѣйствовавшій къ приготовленію Очакова къ оборонѣ. У Суворова было всего не болѣе 1000 человекъ пѣхоты, 1000 человекъ конницы и 4 полка казаковъ ³⁾.

Суворовъ приказалъ не противиться высадкѣ и далъ время Туркамъ, которыми командовалъ Юсуфъ-паша, сдѣлать нѣсколько ложементовъ. Траншея ихъ были доведены до самаго замка. Суворовъ запрещалъ своимъ дѣйствовать, пока непріятель не подойдетъ на двѣсти шаговъ, а самъ былъ въ церкви и молился. Въ рѣшительную минуту онъ напалъ на Турокъ со своими войсками. Рѣзня продолжалась девять часовъ; и въ рѣзнѣ этой палъ самъ Юсуфъ-паша; впрочемъ, и положеніе Русскихъ было весьма опасно. Турки безпрестанно получали съ флота новыя подкрѣпленія. Сраженіе сдѣлалось общимъ; обѣ стороны до того перемѣшались, что артиллерія была принуждена

¹⁾ См. объ этомъ, кромѣ официальныхъ донесеній въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ того времени, *Бутурлинна Исторію войнъ съ Турціей, Коломова, Самойлова въ Русскомъ Архивѣ 1867 года, ст. 1240, Исторію Черноморскаго флота въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древн. IV, 269, соч. Шмита о Суворовѣ, I, 285.*

²⁾ *Самойловъ, 1240.*

³⁾ Въ официальныхъ донесеніяхъ число десантныхъ турецкихъ войскъ показано 5,000; Самойловъ показываетъ 11,000, см. *Русскій Архивъ 1867 г., ст. 1243.*

остановить свое дѣйствіе. Два раза Русскіе отступали, но на третій они были подкрѣплены резервомъ, и наконецъ, отбросили Турокъ къ берегу. Нѣсколько конныхъ эскадроновъ, стоявшихъ въ тридцати верстахъ отъ Кинбурна, подоспѣли на помощь въ послѣднюю минуту и спасли Кинбурнъ ¹⁾. Турки очутились въ отчаянномъ положеніи. Напрасно дервиши старались ободрить ихъ: они поспѣшно отступали къ морю и искали спасенія даже въ волнахъ, гдѣ погибали во множествѣ. Дѣйствіемъ русской артиллеріи были потоплены два канонерскія турецкія судна и одна шебека; другая была сожжена ²⁾. Лишь немногіе, а именно—отъ 500 до 700 человѣкъ, достигли своихъ судовъ, всѣ жъ остальные, то-есть, болѣе 4.000, были или взяты въ плѣнъ, или убиты, или погибли въ морѣ.

Суворовъ выказалъ въ этомъ сраженіи необычайную храбрость. Онъ находился постоянно на самыхъ опасныхъ пунктахъ, подъ нимъ пала лошадь, и самъ онъ едва не былъ убитъ ³⁾. Не много поздне: онъ былъ раненъ картечью въ бокъ, потерялъ много крови, и не было лѣкари, чтобы перевязать его рану. Казачій старшина Кутейниковъ привелъ его къ морю, вымылъ рану морскою водою и сплелъ свой платокъ съ шем, чтобы перевязать имъ рану. Суворовъ сѣлъ на коня и возвратился къ войску. Вторично раненый, а именно пулею въ лѣвую руку, Суворовъ все-таки не оставлялъ поля сраженія.

Суворовъ хвалилъ Турокъ и говорилъ, что такихъ храбрыхъ неприятелей онъ еще не видалъ ⁴⁾. Около часу пополудни началась битва; не ранѣе какъ въ 10 часовъ вечера все утихло. Суворовъ доносилъ: „Я при Кинбурнѣ отнял у Турокъ охоту къ дальнѣйшимъ десантамъ, которыхъ я и самъ не люблю“ ⁵⁾.

¹⁾ У *Бантмишъ-Каменскаю*, III, 312, говорится о 10 эскадронахъ (эскадронъ въ 120—180 человѣкъ), *Эмелмардтъ* упоминаетъ о 300 человѣкахъ.

²⁾ *Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.* II, 462.

³⁾ Потерявъ лошадь, Суворовъ крикнулъ одному всаднику, чтобы тотъ уступилъ ему свою. Этотъ всадникъ оказался Туркомъ, который бросился на Суворова, но былъ раненъ русскимъ солдатомъ. Турки все были ишіе. Впрочемъ, этому турецкому воину удалось отнять коня у одного изъ казаковъ, *Smitt, Suwogow*, 289.

⁴⁾ *Зап. Од. Общ. Ист. и Др.* II, 762. 7-го октября Суворовъ писалъ къ Попову: «Мнѣ легче, но только слабѣ и видно недѣля двѣ на конѣ не садиться. Посмотри, голубчикъ, на планъ нашу адскую баталію. Не понятно силамъ человѣческимъ, какъ къ тому приступить было можно! А отъ варваровъ какая прекрасная операція и какое было прекрасное войско».

⁵⁾ *Smitt, Suwogow*, 292. Нѣсколько поздне, а именно 20-го декабря, Суворовъ писалъ къ дочери о Кинбурнскомъ дѣлѣ слѣдующее: «У насъ все была

Эта побѣда была важна въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, она должна была произвести хорошее нравственное вліяніе на настроеніе русской арміи ¹⁾; вовторыхъ же, послѣ столь чувствительной потери, можно было ожидать, что Турки будутъ дѣйствовать осторожнѣе и оставятъ пока дальнѣйшія нападенія на Кинбурнъ. Потемкинъ, въ письмѣ отъ 5-го октября, отъ души благодарилъ Суворова ²⁾, но все еще страшился наступательныхъ дѣйствій со стороны Турокъ и просилъ императрицу дозволить ему употребить, въ случаѣ надобности, одинъ корпусъ Украинской арміи. Вслѣдствіе того Румянцевъ приказалъ генералу Каменскому явиться къ князю ³⁾.

Въ Кинбурнѣ, однако, наступила послѣ этого тишина. Турецкій флотъ оставался въ виду крѣпости еще нѣсколько дней, а затѣмъ отправился къ Константинополю ⁴⁾. Въ память славнаго отраженія непріятеля въ крѣпости была выстроена церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Тамъ до 1855 года стоялъ еще столбъ съ надписью, относящеюся къ этому событію ⁵⁾.

Въ С.-Петербургѣ получено было сначала лишь краткое извѣстіе о побѣдѣ ⁶⁾, а затѣмъ, не ранѣе 15-го октября, пріѣхалъ Бауръ съ подробнымъ донесеніемъ отъ Потемкина ⁷⁾. Императрица съ радостью говорила объ этомъ событіи и хвалила Суворова за то, что онъ не хотѣлъ перевязывать рану до конца сраженія. 17-го октября въ придвор-

драки сильнѣе, нежели вы (дочь Суворова воспитывалась въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ при Смоленскомъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ) деретесь за волосы; а какъ, правду, потанцовали, то я съ балету вышелъ: въ бокъ пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрѣлили, на силу часовъ черезъ носемъ отступили съ театру къ камеру. Я теперь только что поворотился, выпадилъ близъ 500 переть верхомъ въ шесть дней, а не ночью. Какъ же несело на Черноѣ морѣ, на Липанѣ. Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички и пр.» *Русскій Архивъ* 1866, ст. 934.

¹⁾ Въ свое время была известна солдатская пѣсня:

Наша Кинбурнская коса
Вскрыла первы чудеса.

Полесой, 122.

²⁾ *Smitt, Suworow, I, 293.*

³⁾ *Записки Эмелигардта, 69.*

⁴⁾ *Записки Одесск. Общ. Ист. и Др. IV, 270.*

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ *Ségur, III, 296.*

⁷⁾ *Зап. Храповицкаго, 15-го октября, «Бауръ былъ 1/2 часа у Ея Императорскаго Величества».*

ной церкви и въ Казанскомъ соборѣ былъ благодарственный молебенъ, при чемъ читали реляцію о битвѣ. На другой день, говори за туалетомъ о побѣдѣ, императрица замѣтила: „Александръ Васильевичъ поставилъ насъ на колѣни, но жаль, что его старика ранили“ ¹⁾. Иосифъ II поздравилъ Екатерину съ побѣдой и выразилъ надежду, что Турки скоро пожалѣютъ о томъ, что начали войну; въ отвѣтъ своемъ императрица говорила то же самое и желала, чтобъ Австрійцы скорѣе выступили въ походъ ²⁾.

Битвою при Кинбурнѣ ограничились военныя дѣйствія въ 1787 году. Но съ русскимъ флотомъ въ первой половинѣ сентября случилось приключеніе, сильно подѣйствовавшее на Потемкина и показавшееся ему большимъ несчастіемъ.

Тотчасъ же послѣ полученія извѣстія объ объявленіи войны Турціею были приняты имъ мѣры двинуть въ море новый флотъ. Сначала флотъ этотъ, подъ начальствомъ адмирала Войновича, крейсировалъ нѣкоторое время въ Черномъ морѣ, 15-го августа соединился съ эскадрой Ушакова, 20-го вернулся въ Севастопольскую гавань, а 31-го ушелъ къ берегамъ Дуная ³⁾.

Екатерина ожидала успѣшныхъ дѣйствій на морѣ и писала 11-го сентября къ императору Иосифу: „Я каждый день ожидаю получить извѣстія о флотѣ, который ваше императорское величество видѣли въ Севастополь. Онъ отправился на встрѣчу съ непріятельскимъ флотомъ. Для храбраго экипажа, имѣющаго хорошіе корабли, представляется удобный случай отличиться“ ⁴⁾.

Вышло иначе.

Эскадрѣ было велѣно идти къ Варнѣ и запереть или истребить стоявшую тамъ турецкую эскадру. На пути русскіе корабли были застигнуты страшною бурей, продолжавшеюся нѣсколько дней. Они потеряли мачты и потерпѣли страшное поврежденіе: одинъ фрегатъ былъ поглощенъ волнами; другой, „Марія Магдалена“, былъ увлеченъ

¹⁾ Зап. Храповицкаю, 18-го октября. Изъ слѣдующаго обстоятельства видно, что она считала нужнымъ ободрить Потемкина. Она велѣла скорѣе отправить Баура обратно къ князю, который ожидалъ его возвращенія на 13 день послѣ его выѣзда, «я такъ нетерпѣливъ, что выѣзжаетъ на встрѣчу къ курьерамъ». Зап. Храповицкаю, 17-го октября.

²⁾ Arnetz, Joseph II und Katharina von Russland. Wien, 1869, 304, 306. Австрійцы тогда, въ октябрѣ, еще далеко не были въ состояніи сразиться. Ихъ участіе въ войнѣ началось не ранѣе весны 1788 года.

³⁾ «Исторія Черноморскаго флота», въ Зап. Одесск. Общ., IV, 269.

⁴⁾ Arnetz, 301.

теченіемъ въ Босфоръ, гдѣ и вынужденъ былъ сдаться Туркамъ¹⁾. Послѣ бури 19-го до 23-го сентября флотъ мало по малу собрался и возвратился къ Севастополю²⁾. Это несчастіе было причиною, что турецкая эскадра могла безпрепятственно явиться на водахъ Очакова.

Въ Европѣ считали положеніе Россіи весьма опаснымъ. Ходили слухи о побѣдахъ, будто бы одержанныхъ Турками, объ истребленіи бурей русскихъ кораблей. Екатерина, какъ дѣлала она нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, сама взялась за перо, чтобы по возможности опровергнуть эти толки. Къ Циммерманну писала она 3-го декабря: „У насъ всѣ проекты уступили мѣсто одному, состоящему въ оборонѣ государства, несправедливо нападаемаго. Странно видѣть подлыя уловки, употребляемыя противу насъ нашими завистниками; каждый почтовый день они лгутъ, даютъ деньги газетчикамъ и заставляютъ ихъ бить насъ въ газетахъ дважды въ недѣлю, не выходя изъ порядка. То же самое дѣлали и въ прошедшую войну; но происшествія, и особливо миръ, доказали, что таковы лжецы и кого побивали. Если вамъ скажутъ, что Турки взяли Клинбурнъ на островѣ Таманѣ (sic!), что они подступили къ Таганрогу и Азову, что истребили флотъ Севастопольскій,—не вѣрьте ни одному слову. Сей флотъ во время равенства потерпѣлъ отъ сильнаго вѣтра и даже лишился одного корабля и одного фрегата; турецкій же флотъ претерпѣлъ больше, нежели вдвое, да и то умѣренно полагаю, но впрочемъ, мы не потеряли земли ни одного вершка“³⁾.

О томъ же событіи Потемкинъ съ отчаяніемъ писалъ Екатеринѣ 24-го сентября: „Матушка государыня, я сталъ несчастливъ; при всѣхъ мѣрахъ возможныхъ, мною предпринимаемыхъ, все идетъ на выворотъ. Флотъ Севастопольскій разбитъ бурей; остатокъ его (sic!) въ Севастополѣ, все малыя и ненадежныя суда, и лучше сказать, не употребительныя⁴⁾; корабли и большіе фрегаты пропали (sic!). Богъ бьетъ, а не Турки“. Немногимъ позднѣе онъ писалъ снова: „Правда матушка, рана сія глубоко вошла въ мое сердце. Сколько я преодолевалъ препятствій и труда понесъ въ построеніи флота, ко-

¹⁾ Самойловъ, 1239. Подробности о поврежденіи см. въ Исторія Черноморскаго флота, 268 и 269. Капитанъ фрегата «Марія Магдалена» былъ отравленъ отъ должности.

²⁾ Тамъ же, 269.

³⁾ Сочиненія Екатерины, III, стр. 454.

⁴⁾ Это вышій согласуется съ мнѣніемъ Юсифа II о негодности Севастопольскаго флота.

торый бы чрезъ годъ предписывалъ законы Царьграду! Преждевременное открытіе войны принудило меня предпріять атаковать раздѣльный флотъ турецкій съ чѣмъ можно было; но Богъ не благословилъ, Вы не можете представить, сколь сей нечаянный случай меня почти поразилъ до отчаянія“¹⁾).

II.

Положеніе дѣлъ зимою 17⁸⁷/88 года.

Бездѣйствіе и уныніе Потемкина. — Медленность приготовленій къ походу и военныхъ дѣйствій.

Потемкинъ находился въ страшномъ душевномъ разстройствѣ, въ лихорадочномъ состояніи. Не даромъ считался онъ главнымъ виновникомъ войны, на немъ лежала теперь вся отвѣтственность; онъ не разчитывалъ на успѣхъ, упалъ духомъ и серіозно помышлялъ о выходѣ въ отставку. Въ публикѣ ожидали наступательныхъ дѣйствій, ожидали осады Бендеръ и Очакова, экспедиціи противъ Константинополя; а между тѣмъ Потемкинъ, одержимый ипохондріей, думалъ даже объ уступкѣ Крымскаго полуострова Туркамъ! Послѣ блистательнаго путешествія Екатерины, послѣ того, какъ князь имѣлъ убѣдить всѣхъ или почти всѣхъ въ томъ, что его административная дѣятельность была въ высшей степени успѣшна и полезна для края, что мѣры, принятія имъ на случай войны, были вполне цѣлесообразны и достаточны,—можно было дѣйствительно удивляться тому, что онъ ограничивался лишь обороною границъ, не предпринималъ ничего рѣшительнаго и предавался бездѣйствію въ Елисаветградѣ. Къ счастью для Потемкина, въ публикѣ никто не зналъ о содержаніи переписки его съ императрицей. Если Екатерина оставляла его на его постѣ, то объяснить это можно только личнымъ ея расположеніемъ къ нему, да отчасти недостаткомъ „горячихъ головъ“, способныхъ людей, на которыхъ столь горько жаловалась она въ бесѣдахъ своихъ съ Храновицкимъ; наконецъ, она могла думать, что Потемкинъ лишь временно упалъ духомъ. Въ это время она постоянно должна была утѣшать его. „Молю Бога“, писала она ему²⁾), „чтобы тебѣ далъ силы и здоровья и унялъ ипохондрію. Какъ ты все дѣлаешь, то и тебѣ покоя нѣтъ; для чего не берешь къ себѣ генерала, который бы имѣлъ мелкій details?“

¹⁾ См. *Соловьева*, Паденіе Польши, 174—176.

²⁾ Къ сожалѣнію, г. Соловьевъ не сообщилъ числа этого письма.

Скажи, кто тебѣ надобенъ. я пришло; на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтобъ одинъ изъ нихъ занялся мелочію, а главнокомандующій тѣмъ не замученъ былъ. Что не проронишь, того я увѣрена; но, во всякомъ случаѣ, не унывай и береги свои силы; Богъ тебѣ поможетъ и не оставитъ и царь тебѣ другъ и покровитель. Проклятое оборонительное состояніе? И я его не люблю. Старайся поскорѣе оборотить въ наступательное: тогда тебѣ да и всѣмъ легче будетъ, и больныхъ тогда будетъ меньше; не всё на одномъ мѣстѣ будутъ“¹⁾.

Однако, ипохондрія Потемкина не проходила, и еще до страшной бури, уничтожившей часть флота, онъ прислалъ просьбу о позволеніи сдать войско Румянцеву, а самому пріѣхать въ Петербургъ. Просьба сильно не поправилась императрицѣ. Она отвѣчала 25-го сентября 1787 года: „Не запрещаю тебѣ пріѣхать сюда, если ты увидишь, что твой пріѣздъ не разстроитъ тобою начатое либо производимое. Приказаніе къ фельдмаршалу Румянцеву для принятія команды, когда ты ему сдашь, посылаю къ тебѣ; вручишь ему оное какъ возможно позже, если послѣдуешь моему мнѣнію и совѣту; съ моей же стороны пребываю, хотя съ печальнымъ духомъ, но со всегдашнимъ моимъ дружескимъ доброжелательствомъ“.

Душевное разстройство Потемкина усилилось послѣ бѣдствія, постигшаго флотъ, и онъ писалъ 24-го сентября 1787 года: „Я при моей болѣзни пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума ни духу. Я просилъ о порученіи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую (sic?): не дайте чрезъ сіе терпѣть дѣламъ. Ей, я почти мертвъ; я всё милости и имѣніе, которое получилъ отъ щедротъ вашихъ, подвергаю стонамъ вашимъ и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу къ графу Петру Александровичу (Румянцеву), чтобъ онъ вступилъ въ начальство, но не имѣя отъ васъ повелѣнія, не чаю, чтобъ онъ принялъ; и такъ Богъ вѣсть, что будетъ. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человѣкомъ; но что я былъ вамъ преданъ, тому свидѣтель Богъ“.

¹⁾ Соловьевъ, 175. Множество больныхъ въ лагерѣ Потемкина объясняется недостаткомъ заботливости о нихъ. Особенно сильна была смертность подъ Очаповымъ, какъ мы увидимъ ниже. Ужь Юсуповъ II поразилъ безпечность въ обращеніи съ солдатами. Что въ 1787 году ходили слухи о печальномъ состояніи войска въ гигиеническомъ отношеніи, видно, между прочимъ, изъ записки въ Запискахъ Храповицкаго, 6-го октября: «Пассекова писала, что Потемкинъ моритъ солдатъ».